

ПОЛОЦКИЙ КНЯЗЬ БОРИС ВСЕСЛАВИЧ

Э. М. Загоруйский

г. Минск, Беларусь

Князю Борису Всеславичу не очень повезло с источниками. Оригинальные полоцкие летописи, которые когда-то довелось держать в своих руках Татищеву, бесследно исчезли, а в сохранившемся базовом источнике по истории древней Руси «Повести временных лет» он упомянут только два раза: первый раз при перечислении сыновей Всеслава Брячиславича, второй – в сообщении о его кончине в 1128 г. [1, с. 186; 2]. Упоминание о нем имеется у В. В. Татищева [3, с. 123] и в «Житии преподобной Евфросинии» [4, с. 3], а также в достаточно путанных поздних русско-литовских летописях [5, с. 19]. Память о нем запечатлена в знаменитых «Борисовых камнях» [6].

Говорят, о человеке судят по его делам и по тому, как он повел себя в той или иной ситуации. Учитывая крайнюю скудость сведений о Борисе в источниках, попробуем воссоздать его исторический образ на основании анализа тех событий, участником которых он был.

В списке сыновей Всеслава, содержащем семь имен, Борис поставлен первым, что дает право считать его старшим сыном. На это же указывает и то, что именно Борис становится полоцким князем после смерти Всеслава в 1101 г. Борис, к чему я пришел и о чем писал, имел еще и второе имя Рогволод, что было обычно для русских князей. Поэтому у Всеслава было не семь, а шесть сыновей: Борис (он же Рогволод), Глеб, Давыд, Роман, Ростислав и Святослав (он же Георгий) [7, с. 5].

Говоря о жизни и деятельности Бориса Всеславича, мы не можем и не должны ограничиваться одним только сведением Татищева об успешном походе Бориса против ятвягов в 1102 году и основании им в честь победы над ними нового города на Березине – Борисова [3, с. 199].

В детстве жизнь преподнесла Борису жестокий урок, который не мог пройти бесследно и не сказаться на характере будущего полоцкого князя.

В 1066–1067 годах произошли драматические события в истории Руси, горьким эхом отозвавшимися в сердцах и памяти русских людей. Полоцкий князь Всеслав, как с горечью отметил летописец, начал междоусобную войну. Он неожиданно напал на Новгород, пожег город и снял колокола со святой Софии. За этим последовал почти немедленный поход против Полоцка коалиции южнорусских князей – трех сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава, Святослава и Всеволода. Они взяли Минск и 3 марта 1067 г. разбили войско Всеслава у Немизы [1, с. 312]. Однако им не удалось захватить Всеслава, и эта кара им показалась недостаточной. Неудовлетворенные результатами своего зимнего похода южнорусские князья летом того же года организуют новый поход в Полоцкую землю.

В этот тяжелый момент, предвещавший новое большое сражение, Всеслав берет с собой двух своих тогда еще малолетних сыновей. Несомненно, то были Борис и Глеб. В ожидании сражения противники расположились под Оршей на противоположных берегах Днепра.

Далее предоставим слово летописцу (лучше не скажешь): «Затем 10 июля Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, предложили ему: «Приходи к нам, не сделаем тебе зла». Он же, положившись на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав, идя впереди, вел его к себе в шатер, тут схватили Всеслава, на Рши у Смоленска, нарушив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу вместе с двумя его сыновьями» [6, с. 312].

Составитель Радзивилловской летописи, украсивший свой труд великолепными цветными миниатюрами, не прошел мимо этого сюжета. Он изобразил лодку с Всеславом и его сыновьями. Он, как и я, представлял их еще детьми.

В темнице, вместе с отцом, Борис и Глеб пробыли 14 месяцев до 30 сентября следующего года, когда восставшие киевские низы, возмущенные нежеланием киевского князя Изяслава выдать им оружие для сражения с подошедшими к городу половцами, освободили Всеслава и, вопреки принятому на Руси порядку, провозгласили его новым киевским князем.

2 мая 1069 г. при подходе к Киеву Изяслава с польским войском Всеслав оставил киевское войско и бежал в Полоцк [1, с. 185]. Однако скоро он лишился и Полоцка, в котором Изяслав посадил своих сыновей, сначала Мстислава, а потом Святополка.

В 1071 г. Всеслав был снова разбит Изяславом под Голотическом и бежал на север к финскому племени. Вполне вероятно, что все это происходило на глазах юного Бориса. Не может быть сомнений, что эти драматические события не могли пройти бесследно для Бориса и не нанести ему тяжелой психологической травмы, которая сказалась на его формирующемся характере и поведении.

Эпизод 1067 г. важен и тем, что позволяет установить приблизительную дату рождения Бориса. Известно, что князья рано готовили из своих детей будущих воинов и приобщали их к военному делу и управлению своими вотчинами. В 5-6 лет мальчика сажали на коня и он должен был кинуть копьё через голову коня. Нередко еще детьми их сажали на княжеский престол. Так, Ярослав (прозванный впоследствии «Мудрым») стал ростовским князем в возрасте 9 лет.

Думается, что в 1067 г. дети Всеслава еще не стали воинами, и младшему Глебу было где-то около 10, а старшему Борису – 12 лет. В таком случае можно предположить, что Борис родился около 1055 г. Умер же он, по летописи, в самом начале 1128 г., то есть, в возрасте приблизительно 73 лет. Полоцким князем он пробыл почти 30 лет.

Странно, что в годы его долгого правления, в течение которых в Полоцкой земле произошел целый ряд важных политических событий, его имя даже не упомянуто в основных русских летописях. Как будто его не существовало.

Первые годы его правления были отмечены рядом событий, ставших трудным испытанием для нового правителя большого княжества. Так, в 1105 г. против его брата, минского князя Глеба, был совершен поход киевского войска, к которому почему-то присоединился один из Всеславичей – Давыд. О реакции Бориса на это событие в летописи ничего не сказано. Как повел себя Борис в этой ситуации, почему он не выступил в защиту своего младшего брата – неизвестно. Думается, ему было очень непросто принять решение. Очевидно, живы были еще в памяти результаты конфликтов его отца с Киевом.

Затем через год – новое испытание. Поздние исторические источники рассказывают, что в свое время племена восточной Прибалтики платили дань русским, скорее всего полоцким князьям, особенно заинтересованным в безопасном судоходстве по Западной Двине с выходом в Западную Европу. Возможно, воспользовавшись военными неудачами Всеслава и слабостью его преемников, прибалтийские племена отказались платить дань или стали угрожать судоходству. Чтобы восстановить свои права, новый полоцкий князь Борис организовал в 1106 г. военный поход, завершившийся жестоким поражением объединенного войска полоцких князей от латышского племени земгалов. Полочане потеряли 9 тысяч своих воинов [1, с. 186]. Это, очевидно, сказалось на дальнейшей внешнеполитической активности Бориса.

В 1116 г. минский князь Глеб развязал войну с «дреговичами», захватил и пожег Слуцк. А дальше произошло то, что должно было произойти. Новый киевский князь Владимир Мономах подошел к Минску и в течение двух месяцев осаждал город, пока Глеб не запросил мира и не пообещал во всем слушаться Владимира. Но слова не сдержал, продолжал в чем-то укорять киевского князя [1, с. 403]. В результате, в 1118 г. Мономах снова по-

дошел к Минску, взял город, а Глеба увел в Киев, где тот вскоре умер. Минское княжество было выведено из состава Полоцкой земли и передано в подчинение туровскому князю [2, стб. 285].

Как и в 1105, и в 1116 гг., Борис не поддержал брата. Как объяснить такое поведение Бориса, нерешительностью, трусостью или трезвой оценкой соотношения сил и своих возможностей, нежеланием безрассудного кровопролития, исход которого мог быть далеко не в пользу полоцкого князя?

К сожалению, многое в политическом устройстве Руси, правах и обязанностях князей в отношениях друг к другу нам далеко не все ясно. Разговоры о полной политической независимости Полоцкой земли – не более чем желания некоторых историков так думать.

Очевидно, Борис хорошо помнил последствия неудачных войн своего отца с Киевом и почти полтора года, проведенные вместе с ним и братом в киевской тюрьме. Горький опыт отца научил его не просто осмотрительности. Он убедил его в бессмысленности междоусобиц, и, ради сохранения мира, он пожертвовал своим братом. За время своего долгого правления он никогда не выступал против киевского князя и, несомненно, признавал его верховенство. Хорошая иллюстрация того места, которое занимало Полоцкое княжество в государственной системе древней Руси.

Такие мысли приходят в голову, когда пытаешься понять и объяснить поведение Бориса.

Обратимся, однако, к русско-литовским летописям, в которых дается наиболее развернутая характеристика Бориса и его деятельности. К сожалению, эти летописи как источник достаточно проблематичны, путаны и потому требуют очень осторожного использования. Они, по-существу, лишены хронологической канвы, тенденциозны, имеют нескрываемую цель прославить литовских правителей, обосновать их историческое право на княжения в русских областях и, даже, представить их прямую генетическую связь с Рюриковичами. В летописях много того, что не подтверждается либо опровергается другими источниками. Нередко события занимают не то логическое место, что в других летописях, а их субъектами выступают совсем другие персонажи.

Тем не менее мы должны допустить, что в них могли быть представлены и некоторые реальные события и факты, сохранившиеся в устной традиции или восходящие к утраченному местному летописанию. Об этом следует постоянно помнить и сделать все возможное, чтобы отделить правду или вероятность правды от искажений или прямого вымысла.

Вот что говорится о Борисе в одном из известных летописных списков, так называемой «Хронике Быховца». Отец Бориса, которого «Хроника» называет Юрием, «правил немного времени и умер. А после себя оставил в Полоцке сына своего Бориса, и тот князь Борис создал город по своему имени на реке Березине, и назвал его Борисов. И будучи русским, был очень набожным, и создал в Полоцке церковь каменную святую Софию, а другую – святого Спаса и девичий монастырь вверх по реке Полоте за полмили от города, третью церковь святых Бориса и Глеба – в монастыре в Бельчицах.

И, правя в Полоцке, был ласков со своими подданными и дал им, своим подданным, вольности и право собирать вече и звонить в колокол и обсуждать дела, как в Великом Новгороде и Пскове, а потом князь Борис Полоцкий умер.

А после себя оставил в Полоцке сына своего Рогволода, называемого Василием» [5, с. 19].

В этом отрывке далеко не все верно. Поэтому попробуем отделить верное или вероятное от явно придуманного или сильно искаженного и опровергаемого другими, более надежными источниками.

Начнем с того, что чуть раньше приведенной характеристике Бориса предшествует чудовищно извращенная его родословная. Его отцом назван не Всеслав, а литовец Гинвил, принявший после крещения имя Юрий. Дедом назван не Брячислав, а литовский князь Мингайло и т.д. Мы могли бы предположить, что Всеслав (и, конечно, не Гинвил) мог

иметь, как это было принято, два имени: Всеслав и христианское Юрий, подобно тому, как сам Борис имел второе имя Рогволод, а его сын, тоже Рогволод, имел христианское имя Василий, что правильно отметила и «Хроника». Но дальше в «Хронике» идут две подряд ошибки: говорится, что у Юрия (т.е. Всеслава) было два сына, и что он правил недолго. Между тем, у Всеслава было не менее 6 сыновей, а пробыл он на полоцком столе дольше всех других князей – 57 лет.

Интересно, что, упомянув об основании города Борисова, «Хроника» не отметила, в честь какого события был основан город. Заметим, что ни в каких других источниках, кроме «Истории» Татищева, о победе Бориса над ятвягами в 1102 г. не говорится. Неизвестно, откуда получил такую информацию Татищев. Возможно, она недостоверна. Думается, составители русско-литовских списков, столь благожелательно оценивавших деятельность Бориса, не преминули бы отметить этот факт.

Быховец приписывает Борису строительство полоцкого Софийского собора. Но это тоже не так. Собор был построен при Всеславе, по моим подсчетам, около 1055 года [8, с. 359-360]. Вспомним знаменитые строки из «Слова о полку Игореве»: «Ему (Всеславу) в Полоцке рано прозвонили в колокола заутреню у святой Софии, а он звон (тот) слышал в Киеве» [9, с. 28].

Но, как нам стало теперь известно из археологических раскопок в Полоцке, скорее всего, именно при князе Борисе к Софийской церкви был пристроен комплекс погребальных сооружений, где, вероятно, он и был похоронен [10]. В исторической памяти эта достройка могла ассоциироваться с завершением строительства Софийского храма в целом. Поскольку действительный год возведения церкви в «Начальном своде» не отмечен или выпал, а «Слова о полку Игореве» составители русско-литовских летописей могли и не знать, все строительство могли связать с именем Бориса.

Нет оснований сомневаться в глубокой набожности Бориса, с именем которого связаны постройки Борисоглебского храма и, возможно, Четвертой церкви-триконха в Бельчицком монастыре, а также открытой археологами неизвестной ранее церкви на полоцком детинце [8, с. 393].

Заслуживает внимания сообщение «Хроники» о том, что Борис предоставил полочанам право созывать вече и звонить в колокол. Мы не знаем, насколько значительна была роль полоцкого веча в решении государственных дел и как часто Борис советовался с ним. Но мы точно знаем, что вечевой колокол давал о себе знать. Он звучал в наиболее ответственных случаях, когда решалась судьба княжества. О созывах в Полоцке веча в 50-х гг. XII в. есть сведения в Лаврентьевской и Ипатьевской летописи. В них подробно рассказывается, как полочане изгнали Рогволода и пригласили на княжение минского князя Ростислава, а потом, спустя несколько лет, выразили ему недоверие и снова приняли Рогволода [2, стб. 494-496].

Можно предполагать, что и в 1128 г. именно полоцкое вече низложило Давыда и избрало полоцким князем сына Бориса Рогволода.

Нельзя не согласиться с замечанием «Хроники» об отношении к Борису полочан. Показатели их высокого уважения к князю проявились в событиях, развернувшихся вскоре после его смерти, которые вошли в историю не совсем правильно под названием «похода русских князей в Полоцкую землю», представляемого иногда чуть ли ни как попытку завоевать Полоцкую землю. В действительности же все обстояло иначе. А именно, в начале 1128 г. умер Борис, и на полоцкий стол, по существовавшей тогда традиции, сел его младший брат Давыд Всеславич. Но полочане не захотели его. Они очень уважали Бориса и предпочли иметь своим князем его сына Рогволода и изгнали Давыда. Началась междоусобица, в которую для разрешения конфликта вмешался киевский князь Мстислав. Он направил в Полоцкую землю отряды из Новгорода, Смоленска, Курска, Чернигова, Киева, Клецка и Гродно. Полочане убедили Мстислава поддержать их выбор и утвердить полоцким князем Рогволода, что он и сделал [2, стб. 292-296].

Эти события, как и вся эпоха Бориса, убедительно говорят о том, что Полоцкая земля составляла неразрывную часть Руси. Другие русские земли не были безразличны к тому, что происходило в Полоцком княжестве, и все их правители, как и полоцкие, признавали верховенство киевского князя.

О любви полочан к Борису свидетельствуют знаменитые «Борисовы камни» с надписью «Господи помози рабу своему Борису» [6; 11, с. 176-178].

Существует несколько различных объяснений назначения этих камней. Отметим, однако, что ни один из полоцких князей не был удостоен чести быть прославленным в таких своеобразных памятниках.

К существующим версиям появления Борисовых камней я бы добавил еще одну. Надписи на камне «Господи, помоги рабу своему...» могли быть высечены только при жизни Бориса. Это не посмертный памятник усопшему. Поэтому я допускаю, что Борис тяжело заболел и надолго. Он был уже в достаточно преклонном возрасте, особенно по меркам того времени. Может быть, в связи с этим возник вопрос о передаче престола одному из здравствующих братьев или сыну, что было не принято делать. Мог возникнуть конфликт, борьба за власть при живом, но недееспособном князе. Не по этой ли причине в 1121 г. в Смоленск приезжал киевский князь Владимир Мономах «для усмирения (по словам Татищева) полоцких князей»? [3, с. 134]. О том, что какие-то проблемы с полоцким наследием действительно возникали, можно судить по тем событиям, которые произошли там после кончины Бориса в 1128 г., о чем мы говорили раньше.

Жизнь Бориса с самого детства была наполнена печальными, порой трагическими событиями, которые не могли пройти бесследно и не сказаться на его формирующемся характере. Он стал свидетелем нескольких жестоких военных поражений своего отца, малолетним пленником киевского князя и бесконечно долгим по детским меркам заключенным киевской темницы.

В период его княжения Полоцкая земля пережила серию неурожайных, голодных лет.

Первая и единственная предпринятая им военная кампания – поход в Прибалтику в 1106 г. закончилась поражением. Он был беспомощным свидетелем пленения и гибели своего брата в 1118 г., с которым провел 14 месяцев в киевском «порубе».

Горький опыт авантюрных поступков отца сделала его сдержанным и крайне осторожным в политике и в отношениях с Киевом. Он ни разу, даже в самые отчаянные времена, не позволил себе выступить против киевского князя и безропотно признавал его верховенство. В период его правления Полоцкая земля оставалась органической частью Руси.

Он был противником внутрирусских конфликтов и во имя мира шел на тяжелые жертвы. Жизнь сделала его особенно глубоко религиозным человеком, и он много времени и средств отдал храмовому строительству, принесшему славу полоцкому зодчеству. Борис не прославил свое имя громкими военными победами и стремился сохранять мир и спокойствие в стране, чем заслужил почтение своих подданных и благодарную память потомков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ПВЛ / Подгот. текста Д. С. Лихачева. Москва-Ленинград, 1950.
2. ПСРЛ. Т. 2 : Ипатьевская летопись. Москва, 1962.
3. Татищев В. Н. История Российская в 7 томах: Т. 2. Москва-Ленинград: Академия Наук СССР, 1963.
4. Житие преподобной Ефросинии, Игумении Полоцкой, изложенные по руководству Четых-Миней св. Димитрия Ростовского. Санкт-Петербург, 1992.
5. Хроника Быховца: Памятники средневековой истории народов Центр. и Вост. Европы / гл. ред.: М. Н.Тихомиров. Москва, 1966.

6. Таранович В. П. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. 1946. № VIII.
7. Загорульский Э. М. Генеалогия полоцких князей Изяславичей. Минск: ВУЗ-ЮНИТИ, 1994.
8. Загорульский Э. М. Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: «Четыре четверти», 2013.
9. Слово о полку Игореве / Вступит. статья, ред. текста, прозаич. перевод и примеч. Н. К. Гудзия; поэтич. перевод и примеч. к нему В. И. Стеллецкого. Москва, 1955.
10. Булкин В. А. Проблемы изучения полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.
11. Загорульский Э. М. Археология Белоруссии. Минск: Высшая школа, 1965.